Нѣсколько словъ о Русской знати.

Слово: аристократія не наше; это подарокъ запада, никогда не развившійся на нашей родной почвѣ, это развѣ только оклиматизированное растеніе, которое вслѣдствіе иныхъ условій, иной обстановки приняло другой видъ, другія особенности, словомъ другую форму. Мы конечно не будемъ входить въ историческія разсужденія, предоставляя ихъ людямъ ученымъ, людямъ знающимъ, а желаемъ поговорить только по-просту о томъ, что намъ удалось слышать, видѣть и наблюдать. На Западѣ, въ двухъ первенствующихъ странахъ, есть двѣ знаменитыя въ лѣтописяхъ исторіи, аристократіи, изъ которыхъ одна процвѣтаетъ до сихъ поръ, а отъ другой уцѣлѣли только одни обломки, вымирающія, такъ сказать, отрасли. Это аристократіи Англіи и Франціи. Французская аристократія исключительная и исключающая, замкнутая, не принимала никого въ себя и не допускала самой мысли о какомъ бы то ни было сближеніи съ другими классами общества. Въ этихъ свойствахъ и таился зародышъ ея будущаго ничтожества и гибели. Въ борьбѣ съ людьми новыми, нравственно сильными и

энергическими, она не устояла, сломилась и рухнула, оставивъ по себѣ малочисленныхъ сыновъ, живущихъ теперь въ родной землѣ безъ всякаго политическаго вліянія, живущихъ однимъ скорбнымъ воспоминаніемъ прошлаго. Напротивъ того, англійская аристократія вѣчно возобновляющая сама себя, принимаетъ въ свои недра всё, что выходитъ изъ уровня посредственности. Талантъ, богатство, заслуга передъ лицемъ націи имѣютъ въ нее доступъ, входятъ въ нее, сливаются съ ней въ одно крѣпкое цѣлое. Въ этомъ то именно и лежитъ ея живучесть, ея сила, ея право на дальнѣйшее существованіе. У насъ въ Россіи то, что зовутъ аристократіей не подходитъ подъ разрядъ ни первой, ни послѣднѣй. Нашъ высшій классъ можно назвать развѣ только знатью, барствомъ. Чтобы объяснить мысль нашу яснѣе, мы позволимъ себѣ небольшое сближеніе, сопоставленіе понятій старой французской аристократіи съ понятіями нашей знати. Прежде однако, чѣмъ мы станемъ говорить о той и другой, намъ необходимо сдѣлать оговорку. Мы никакъ не выдаемъ за свои, идеи выработанныя во Франціи и упоминая о нихъ будемъ говорить не съ своей точки зрѣнія, а съ точки зрѣнія французскихъ аристократовъ.

Разница между русскою знатью и французскою аристократіей нигдѣ не высказывается такъ наглядно, такъ поразительно, какъ въ отношеніяхъ русскихъ проживающихъ въ Парижѣ къ обитателямъ Сенжерменскаго предмѣстья, закорѣнѣлымъ аристократамъ и легитимистамъ Франціи. Нигдѣ несостоятельность нашей такъ называемой аристократіи не сказывается такъ рѣзко, не бросается въ глаза такъ ярко. Отъ чего это? Именно отъ близкаго соприкосновенія аристократа на-

стоящаго, дѣйствительнаго, съ аристократомъ искусственнымъ, призрачнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ можетъ быть такъ смѣшонъ и жалокъ нашъ баричъ, имѣющій претензію на аристократизмъ, на знатность и древность происхожденія, на особенность породы, и не знающій ни исторіи своего отечества, ни исторіи не только дворянскихъ родовъ, но даже собственнаго рода, какъ не въ гостиной Сенжерменскаго предмѣстія, гдѣ люди выросли на изученіи своей исторіи до революціи, на изученіи аристократическихъ родовъ и геральдики, включая туда подробную исторію своего собственнаго рода. „Это очень смѣшно, это несовременно, это узость отжившихъ понятій, возразятъ намъ многіе — совершенно согласны, — но это послѣдовательно. Французъ аристократъ закорѣнѣлъ, застылъ въ своихъ понятіяхъ и вездѣ послѣдователенъ. Онъ изучилъ свою родословную, разскажетъ вамъ, что такой-то Генрихъ XX его рода, или Эдуардъ XV прапрадѣдъ его, участвовалъ въ такомъ-то походѣ и былъ убитъ въ такомъ-то сраженіи; что у него не было сыновей, но племянникъ ему наслѣдовалъ, (будто на королевскомъ или княжескомъ престолѣ) и былъ извѣстенъ и проч. и проч. всѣ въ подробности. А онъ разказчикъ вашъ, потомокъ этихъ рыцарей и притомъ потомокъ обѣднѣвшій, заперся за каменнымъ заборомъ какой нибудь улицы Бакъ и мечтаетъ въ своей бѣдной каморкѣ, водя хлѣбъ соль съ своими еще богатыми сродственниками и знакомыми, о возшествіи Бурбоновъ на прародительскій престолъ и о высокой роли, которая тогда будетъ предоставлена ему на политической аренѣ, ему, потомку рыцарей умиравшихъ на полѣ брани за вѣру и короля. Онъ сталъ еще надмѣннѣе съ тѣхъ поръ, какъ онъ бѣднѣе. Правда

отечество играетъ въ его воспоминаніяхъ менѣе важную роль, чѣмъ его вѣра, его король, — но это не его вина, а вина преданій, на которыхъ онъ взросъ. Славу, имя, значеніе пріобрѣли его предки, сражаясь за вѣру въ крестовые походы и за короля во время междоусобныхъ распрей. Отечество стояло какъ будто на второмъ планѣ за этими двумя великими для французскаго аристократа принципами и осталось для него совершенно на второмъ планѣ съ тѣхъ поръ, какъ люди революціи 89 года разорвали всякую связь между собою и наслѣдственною монархіею. Въ Сенжерменскомъ предмѣстіи и во всей провинціальной аристократіи, связанной съ нею и родствомъ и единствомъ политическихъ убѣжденій, есть не только свои воззрѣнія на вещи, изреченія, ставшія афоризмами, есть еще свои нравы, свои обычаи, свои завѣтныя непреложныя правила для обыденной жизни.

И вотъ въ этотъ, то допотопный, окаменѣлый міръ врывается русскій новорожденный баричъ, у котораго нѣтъ ни знанія прошедшаго, нѣтъ ни преданій, ни сложившихся мнѣній, ни опредѣленнаго взгляда, ни даже, и это особенно ужасно и непростительно съ аристократической точки зрѣнія, свѣдѣній о своемъ собственномъ родѣ и гербѣ, которыми впрочемъ онъ такъ кичится. Если у нашего барича есть свое прошедшее, какимъ образомъ онъ не знаетъ исторіи собственнаго рода, и что еще важнѣе исторіи родовъ одинаковой съ нимъ давности въ былые годы могущества, общей дѣятельности во время оно. Какимъ образомъ доводится, напримѣръ, слышать, и не разъ, отъ любаго русскаго барича, презрительное восклицаніе, въ родѣ французскаго: qu'est ce que. c'est que ça? когда ему прихо-

дится слышать древнее русское имя, теперь позабытое или заглохшее въ сердцѣ Россіи. Какимъ образомъ случается и притомъ очень часто, что потомки удѣльныхъ князей вдругъ подымаютъ спѣсиво голову и едва кланяются знакомымъ, равнымъ по рожденію, потому что сынъ ихъ или дочь, недавно женились или вышли замужъ за графа или князя временъ Екатерины II. Еще чаще подобнаго рода спѣсь и чванство нарождаются отъ того, что потомокъ старой русской фамиліи имѣлъ несказанное счастіе породниться съ какимъ нибудь незаконнымъ сыномъ или внукомъ человѣка, бывшаго въ случаѣ при Елисаветѣ или Екатеринѣ, отъ чего эти лица и обладаютъ до сихъ поръ несмѣтными богатствами.

Развѣ такія понятія можно назвать аристократическими? Нѣтъ, это знать, это барство, а не аристократія! Это спѣсь выходца, а не гордость, составляющая неотъемлемое свойство всякой аристократіи. Извѣстно, что въ гордости есть благородство, а въ спѣси и чванствѣ совершенное отсутствіе всякаго благородства.

Однажды намъ довелось слышать разговоръ двухъ русскихъ женщинъ; одна изъ нихъ говорила, что высшіе слои нашего общества составлены изъ очень разнородныхъ элементовъ, что не мѣшаетъ этому обществу неслыханно спѣсивиться и чваниться, больше, чѣмъ всякому другому обществу Запада, извѣстному своей неприступной аристократической гордостью. Другая отвѣчала ей, что извѣстность и значеніе имени зависитъ въ Россіи не отъ рода, а отъ мѣста, гдѣ всего чаще повторяется это имя. Оно становится особенно почетнымъ и извѣстнымъ тогда только, когда раздается въ

извѣстныхъ гостиныхъ и увы! въ извѣстныхъ передникъ. „Кто былъ въ процессіи? N. N. Кто были на на раутѣ? N. N. Кто былъ на выходѣ? N. N. Кто былъ принятъ милостиво? N. N. И вотъ имя N. N., какъ бы оно ни было запятнано плебеизмомъ, становится вдругъ аристократическимъ и князья старыхъ историческихъ родовъ будутъ дежурить въ его пріемныхъ, заискивать, кланяться униженно, просить какъ милостыни пожатія руки, высоко взлетѣвшаго N. N. Если же дочь какого нибудь князя, потомка хотя и Рюрика, удостоится чести выйдти за мужъ за N. N., то пожалуй и она и ея родители не станутъ болѣе пускать къ себѣ своихъ старыхъ знакомыхъ, разумѣется не богатыхъ и не вліятельныхъ, хотя бы они были древнѣйшей фамиліи и одной съ ними крови. Въ слѣдствіе такого устройства общества, семейныя связи вовсе не существуютъ, точно также какъ не существуетъ значеніе имени. Четвероюродный дядя или троюродный племянникъ становится cher oncle и cher cousin, если онъ мѣтитъ въ министры, если онъ недавній князь или даже важный бюрократъ; а родной дядя, пріѣхавшій изъ Саратова или Костромы погостить въ одну изъ столицъ нашихъ, намъ вовсе не родня и мы его называемъ просто по имени и отчеству, будто онъ намъ чужой. Хорошо еще если его позовутъ обѣдать, когда впрочемъ никого нѣтъ и двери заперты для всѣхъ нашихъ богатыхъ и знатныхъ знакомыхъ.

„Что это такое?“ спросила разумѣется по-французски одна знатная русская женщина другую, сидѣвшую подлѣ ней въ ложѣ съ незнакомыми ей дамами. „Это?“ отвѣтила та нисколько не смущаясь, какъ прилично свѣтской женщинѣ, но съ нѣкоторой досадой, это „пріѣзжіе изъ

губерніи. Не смѣйтесь надо мною! И мнѣ доведется вѣроятно видѣть васъ, когда нибудь, посреди такого же звѣринца! Вѣдь губерніи полны нашими родными; послушавъ тамошнія росказни подумаешь, что всѣ мы родня имъ! Какже однако доводятся вамъ эти дамы? А кто ихъ знаетъ? Это какія-то дальнія кузины моего мужа".

Эта жена важнаго барича, которая такъ презрительно отзывалась даже не о дальнихъ родственницахъ, а о двоюродныхъ сестрахъ, изъ рода болѣе древняго, чѣмъ недавняя знатность ея мужа, составляетъ исключеніе въ нашемъ обществѣ, развѣ потому, что мужественно рѣшилась поѣхать въ оперу съ пріѣзжими изъ провинціи. Но

Чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй

по мѣткому выраженію Пушкина.

И это аристократическія понятія? Въ настоящей аристократіи родство, имя, есть звѣно крѣпкаго союза, франкмасонскій знакъ, по которому *свой* узнаетъ *своего*. Настоящій аристократъ принимаетъ хорошо всякаго, кто изъ его класса; онъ еще лучше принимаетъ своего родственника, не изъ патріархальнаго гостепріимства или родственнаго чувства, а потому что уважаетъ въ немъ свою кровь, уважаетъ самого себя и что пренебречь своимъ родственникомъ или себѣ равнымъ по рожденію значитъ въ его понятіи пренебречь собою. Оттого въ слѣдствіе неравнаго брака аристократъ отрекается отъ виновнаго, выбрасываетъ его изъ среды своей, этимъ самымъ доказываетъ какими тѣсными узами онъ соединенъ съ другими членами своей семьи и своего класса. Всѣхъ этихъ понятій нѣтъ въ нашихъ нравахъ. Одинъ корчитъ аристократа потому, что онъ богатъ и

водитъ хлѣбъ соль съ сильными обѣихъ столицъ, другой потому что онъ важный чиновникъ, третій потому что онъ власть имѣетъ, другой потому что ему удалось услужить знатному временщику, когда еще онъ не былъ въ случаѣ и что онъ съ тѣхъ поръ ему мирволитъ, иной потому что сестра жены его брата въ очень близкихъ отношеніяхъ съ важнымъ лицемъ. Всѣ мы, въ Россіи, не только привыкли къ этой смѣси понятій, къ этой непослѣдовательности нашихъ баръ, въ дѣлѣ ихъ аристократическихъ притязаній, но даже къ ихъ ни на чемъ не основанной спѣси, а часто и самовластію, которыя подъ часъ кажутся намъ законными. Насъ не поражаетъ это, ибо всякій день намъ случается видѣть неслыханныя, невозможныя въ другихъ странахъ выходки и поступки. Не довелось ли вамъ слышать, напримѣръ, что человѣкъ хорошей фамиліи и безукоризненной жизни, добивается чести быть у такого-то, имя котораго и не старо и не славно, и что этотъ послѣдній спѣсиво отказываетъ ему въ этой чести, пожалуй и тогда, когда все его значеніе въ богатствѣ нажитомъ откупами или казнокрадствомъ и взяточничествомъ. Не случалось ли вамъ слышать, что женщина хорошей фамиліи униженно проситъ какъ милости (en grâce) приглашенія на балъ, или съ увлеченіемъ и жаромъ разсказываетъ, какъ такое-то лице, пользующееся особенной милостію, удостоило ее своимъ разговоромъ. А вѣдь это равный ей по рожденію человѣкъ!

Куда же и къ кому же приложить намъ послѣ этого старые французскіе девизы, въ которыхъ какъ въ фокусѣ сосредоточились и выразились аристократическія понятія. Одинъ изъ нихъ гласитъ: „roi ne puis, prince ne daigne, Rolan suis!“ Другой не менѣе исполненный

гордости таковъ: „je ne suis ni prince, ni comte aussi, je suis le Sieur de Coussy!“ Есть многіе другіе, которыхъ мы теперь не припомнимъ. А у насъ наоборотъ. „Le grand de mon pays, сказалъ очень вѣрно императоръ Павелъ. est celui que je regarde aujourd'hui et pendant que je le regarde.“ Также извѣстно изреченіе одного изъ королей Франціи: „mon plus beau titre est celui d'être le premier gentilhomme de mon pays.“ Изъ этого прямо вытекаетъ, что аристократизмъ состоитъ въ древности рода, извѣстности имени, освященнаго вѣковою славой, а не въ титулѣ. Старые французскіе аристократы часто кичатся тѣмъ, что у нихъ вовсе нѣтъ титула, но что въ давности, значеніи и славѣ ихъ имя не уступитъ ни одному имени королевскихъ родовъ. А у насъ знать наоборотъ. Многія русскія женщины не стыдятся говорить, что имъ хочется отдать дочь свою за князя или графа, что онѣ не отдадутъ ее за простаго; а другія, ужъ не женщины, а мущины, объявляютъ, что хотятъ дружиться только съ титулованными лицами. Тѣ, которые поумнѣе не говорятъ, конечно, этого, но за то не рѣдко думаютъ это. Бѣдняки эти и не подозрѣваютъ, что съ ихъ собственной, будто бы аристократической точки зрѣнія, они заявляютъ себя страшными невѣждами.

Но мы кончаемъ, не имѣя никакой охоть высчитывать дальше всѣ мнѣнія такого рода, тѣмъ болѣе, что мы нисколько не намѣрены защищать отсталыя понятія французской аристократіи; мы хотѣли только взглянуть на нашу русскую псевдо-аристократію, съ точки зрѣнія аристократической, на основаніи которой она и оказывается несостоятельной. Потому-то въ началѣ этихъ строкъ мы и назвали ее, не аристократіей, а знатью.

Дѣйствительно за нею власть, богатство, случай, стало быть она знать.

Своихъ нравовъ и обычаевъ у ней тоже нѣтъ, мы не можемъ сказать, чтобы она отказалась отъ нравовъ и обычаевъ старины; наша старина грубая, дикая, походила во многихъ отношеніяхъ на всякую другую старину первобытныхъ народовъ. Самоуправство, насиліе, семейный деспотизмъ и многія другія подобныя блага составляютъ отличительную черту всѣхъ несложившихся обществъ. Вышедши изъ варварства наши баяре и люди въ случаѣ обрили бороды и вслѣдъ затѣмъ освоили себѣ внѣшніе пріемы образованныхъ обществъ, за которыми еще и до сихъ поръ можно отыскать первобытную грубость нравовъ. „Grattez le russe, сказалъ кто-то не безъ правды, vous trouverez le tartare.“ Это грустно, но справедливо, надо въ этомъ сознаться. Наши бары вообразили себѣ, что они европейцы, аристократы и принялись кричать объ этомъ открытіи — а имъ на слово многіе и повѣрили. Еслибъ однако французскому аристократу сказали, что потомокъ русскаго рыцаря (вѣдь французъ иначе не можетъ вообразить себѣ аристократа, какъ потомкомъ рыцаря) не знаетъ кто былъ его родоначальникъ, кто были современники и сослуживцы его предковъ, что онъ считаетъ за ничто собственныхъ родныхъ, что его отецъ служилъ въ старые годы чуть ли не камердинеромъ у Потемкина, или у другаго фаворита, то онъ сказалъ бы, что всѣ эти примѣты, примѣты parvenu, то есть выходца, выскочки. Мы не говоримъ этого, а говоримъ только, что всё это примѣты знати, а не аристократіи.

Еще одно слово, послѣднее.

У насъ есть еще два дивные сорта милѣйшихъ

людей, о которыхъ умолчать было бы грѣшно. Это аристократы ультра, имѣющіе претензіи на знаніе своей родословной и аристократы либералы.

Ничего не можетъ быть забавнѣе и поучительнѣе нашего барича, пускающагося въ разсказы о своемъ родѣ, о которомъ онъ слыхалъ что-то. Чего, чего не поразскажетъ онъ вамъ и еще пуще иностранцу; это дѣлается и con amore, и изъ желанія солгать и прихвастнуть и всего больше изъ невѣжества. Вотъ тутъ-то по словамъ Крылова:

И къ былямъ небылицъ безъ счету прилагалъ!

Одинъ господинъ очень хорошей фамиліи и отъ природы не отъявленный лжецъ, разсказывалъ серьезно, что онъ происходитъ отъ тѣхъ извѣстныхъ семи бояръ, которые были издревле поддержкою русскаго трона. Другой дѣйствительно богатый человѣкъ разсказывалъ съ полною увѣренностію какому-то французу, что въ его владѣніяхъ (mes domaines), состоящихъ изъ нѣсколькихъ тысячь душъ, есть свои законы, свои уставы, свои обычаи. Французы, внимая такимъ повѣствованіямъ, млѣютъ отъ восторга при мысли, что вотъ есть же на востокѣ страна благословенная Богомъ, гдѣ уцѣлѣли еще феодальные властители, и что одинъ изъ такихъ властителей стоитъ теперь передъ нимъ. Какъ бы разочаровался французъ, еслибъ кто нибудь взялъ на себя трудъ объяснить ему, что эти мнимые законы феодала надо, переведя на презрѣнную прозу, назвать приказомъ изъ домашней конторы, или распоряженіемъ бурмистра.

Еще смѣшнѣе, забавнѣе и милѣе наши молодые баричи, отчаянные либералы, которые буквально сбиваютъ съ толку сѣдоволосыхъ маркизовъ и бароновъ Сенжерменскаго предмѣстья и заставляютъ ихъ качая голо-

вами говорить, что у насъ въ Россіи приближается какая-то фантастическая революція, которая, мимоходомъ сказать, имъ чудится вездѣ и всегда, съ самаго 93 года. Эти русскіе Мирабо и Лафайеты свирѣпствуютъ во французскихъ гостиныхъ и въ минуты увлеченія клянутся, что принадлежатъ къ тайному обществу, сѣть котораго, по ихъ словамъ покрываетъ всю Россію. Одинъ изъ нихъ дошелъ однажды (нѣсколько лѣтъ тому назадъ) до такого рьянаго пафоса, что объяснилъ что въ ту минуту какъ онъ говоритъ, въ Россіи вспыхнуло всеобщее возстаніе и ненавистные тираны не существуютъ. И старые маркизы еще сомнительнѣе покачиваютъ головами, завѣряя, что вотъ именно такъ говаривали у нихъ аристократы въ 80тыхъ годахъ. Имъ никакъ не понять, что вся эта безсмысленная болтовня есть плодъ внутренней пустоты, страсти прихвастнуть хотя чѣмъ нибудь, безсознательной жажды заставить другихъ и быть можетъ самого себя повѣрить хотя на минуту, въ свои способности къ какому нибудь дѣлу, мнѣнію и убѣжденію

А въ сущности эти аристократы ультра, эти аристократы либералы народились у насъ отъ того, что мы слыхали, что во Франціи были Полиньяки и Блакасы, Мирабо и Лафайеты! Не ясно ли, что у насъ всѣ эти понятія чужія, наносныя, а не свои. Понятія нашей знати также пестры, какъ и она сама, какъ составъ ея, въ которомъ нѣтъ ничего связующаго, крѣпкаго; въ значеніи ея нѣтъ ничего дѣйствительнаго, кромѣ скоропреходящей власти и еще болѣе скоропреходящаго богатства. Развѣ мы не знаемъ, что сыновья людей знатныхъ, проматываютъ съ неслыханною быстротою достоянія отцевъ своихъ. Наша знать — это тѣни китай-

скаго фонаря; нынче однѣ, завтра другія, и какъ скоро являются онѣ, и какъ скоро исчезаютъ, и слава Богу, когда исчезаютъ безъ слѣда! А то иногда слѣды-то бываютъ ужь черезчуръ чувствительны для простыхъ смертныхъ.

Съ недавняго времени обокъ съ этой пестрой разнокалиберной знатью начинаетъ слагаться другой классъ общества, болѣе образованный, болѣе полезный, болѣе по крайней мѣрѣ обѣщающій въ будущемъ. Лѣтъ тому назадъ сто или даже 50, онъ былъ не болѣе какъ кліентомъ знати, его униженной свитой, его хвостомъ. Теперь мало по малу онъ будто начинаетъ понимать, что такое самостоятельность, начинаетъ знакомиться съ чѣмъ-то похожимъ на чувство собственнаго достоинства и не гонится за знатью, не добивается чести, подобно богатымъ откупщикамъ, якшаться и родниться съ ней, а держитъ себя особнякомъ безъ спѣси, но не безъ гордости. Мы говоримъ о среднемъ дворянствѣ. Къ нему мы относимъ не только образованныхъ помѣщиковъ, богатыхъ и небогатыхъ, но еще и всѣхъ тѣхъ, которые, благодаря образованію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, или недавно нажитому богатству, или наконецъ чинамъ, пріобрѣтеннымъ отцами ихъ, породнились съ среднимъ дворянствомъ и вошли въ составъ его, тутъ есть и дѣти купцевъ и священниковъ, и дѣти мѣщанъ, которые получили высшее образованіе въ академіи и университетахъ. Если отцы такихъ людей не отличались образованностію, то дѣти этихъ выслужившихся отцевъ уже учатся, и мало по малу всё, что есть у насъ образованнаго, честнаго и желающаго блага родной землѣ, примыкаетъ къ этому разряду общества. Онъ всякій день увеличивается, наглядно развивается и обѣщаетъ дать совре-

менемъ полезныхъ дѣятелей отечеству. Этотъ класс
не говоритъ о своемъ значеніи и еще не имѣетъ его
но онъ трудится или начинаетъ трудиться. Въ нем
есть не мало старыхъ именъ, подлѣ именъ новыхъ
Всё это много читаетъ, мало служитъ, живетъ въ де
ревняхъ и въ городахъ, но нѣсколько уединенно, осо
бенными группами. Пока это самый образованный слой
земли Русской. Это зародышъ чего-то въ будущемъ
Въ послѣдніе годы вѣсти изъ губерній были особенно
отрадны въ этомъ отношеніи и подтверждаютъ наше
мнѣніе о существованіи подобныхъ круговъ. Въ каж
домъ губернскомъ городѣ образуется небольшое зерно
составленное именно изъ такихъ лицъ. Люди богатые и
небогатые, различныхъ происхожденій, вышедшіе изъ
университетовъ, лицеевъ, школы правовѣдовъ и другихъ
высшихъ заведеній, разсѣеваясь по губерніямъ, тотчасъ
примыкаютъ къ этимъ кругамъ и женятся по большей
части на дочеряхъ дворянъ. Молодому человѣку хо
рошо образованному трудно жениться иначе. Какъ бы
не было недостаточно воспитаніе русскихъ дѣвушекъ
дочь дворянина образованнѣе купчихи или мѣщанки; она
часто гораздо образованнѣе и дочери знатнаго барина
Оно понятно. Живя большею частію въ деревнѣ или
даже въ городѣ, но безъ возможности постоянныхъ удо
вольствій и развлеченій, онѣ читаютъ много по-русски
читаютъ и на другихъ языкахъ всё, что только могутъ
достать себѣ. Притомъ онѣ пользуются нѣкоторой
свободой и развиваются безъ стѣсненій. Напротивъ
того дочери знатныхъ баръ, воспитанные по француз
скому рецепту, ничего не читаютъ, ничего не знаютъ
кромѣ какъ болтать на трехъ или четырехъ языкахъ,
да повторять какъ попугай затверженные историческіе

имена и числа. (Это впрочемъ ужъ прогрессъ и замѣчательная ученость.) Безъ всякаго понятія о развитіи, безъ всякаго знакомства съ эпохами, лицами и идеями, онѣ представляютъ собою жалкое зрѣлище необразованія. Заключенныя въ узкую сферу большаго свѣта и баловъ, лишенныя всякой свободы дома, онѣ еще читаютъ романы Фредерики Бремеръ и Journal des demoiselles и для сохраненія своего дорогаго титла jeune fille, даже въ 25 лѣтъ, незнакомы ни съ одной литературой. Нѣкоторыя изъ нихъ, не ужасно ли признаться въ этомъ, не читали ради приличія многихъ сочиненій Пушкина, Гоголя и Тургенева. Это тоже невѣжество, что и у купчихъ, только подъ иной, болѣе изящной формой. Но здѣсь не мѣсто распространяться объ этомъ и мы возвратимся къ тому, о чемъ говорили прежде. Пусть не думаютъ, что мы желаемъ выставить русское среднее дворянство въ идеальномъ свѣтѣ — нѣтъ, мы утверждаемъ только, что оно начинаетъ слагаться, что въ будущемъ оно обѣщаетъ много хорошаго, а что въ настоящее время вся образованная молодежь (какъ ее ни мало) примыкаетъ къ нему, входитъ въ него, роднится съ нимъ. Пожелаемъ ему преумѣянія, побольше образованія, поменьше кичливости и лѣни, этихъ двухъ язвъ нашей земли. Будемъ надѣяться, что съ совершеннымъ освобожденіемъ крестьянъ, большинство помѣщиковъ выдетъ изъ той апатіи, въ которую оно погружно теперь, въ глуши селъ своихъ стряхнетъ съ себя вѣковую лѣнь, растанется наконецъ съ невѣжественными предразсудками, жарко возмется за образованіе сыновей и дочерей своихъ, и тѣмъ значительно умножитъ небольшой, но уже существующій слой образованныхъ людей Россіи.